

ОЛИМПИЙСКИЙ ТОРГОВЫЙ ЭФФЕКТ

Страны, подающие заявку на проведение Олимпийских игр, тем самым сигнализируют о том, что они готовы к либерализации торговли

Эндрю К. Роуз и Марк М. Шпигель

ЭКОНОМИСТЫ обычно скептически относятся к доводам в пользу обеспечения государством инфраструктуры для спортивных мероприятий, и они правы. Деятели, которые поддерживают строительство новых стадионов или организацию спортивных мега-мероприятий, обычно делают это по наивности или из личного интереса. На практике эти мероприятия дорогостоящи, особенно для развивающихся стран. Церемония открытия Олимпийских игр в Пекине в 2008 году, согласно оценкам, обошлась более чем в 100 млн долл. США, в то время как, по меньшей мере, 100 млн человек в Китае живет менее чем на 1 долл. в день.

Рио-де-Жанейро недавно выиграл право принимать Олимпийские игры 2016 года, представив заявку со сметой расходов в 15 млрд долл. США, что соответствует 2000 долл. США на каждого жителя Рио-де-Жанейро еще до того, как эта смета будет превышена. Значительную часть средств планируется затратить на совершенствование транспортной системы города. Но если инвестиции в транспорт являются обоснованными для большого города в преддверии Олимпиады, то не являются ли они в принципе обоснованными без всяких ссылок на проведение игр? Должны ли решения о долгосрочных вложениях действительно привязываться к пиковым потребностям, которые длятся всего две с половиной недели? Мотивация для проведения мега-мероприятий, таких как Олимпийские игры, в целом не понятна экономистам. Реально измеренный чистый прямой экономический эффект редко бывает большим и обычно оказывается отрицательным; неэкономические выгоды трудно проверить. Может ли финансирование мега-мероприятий вообще быть разумным использованием государственных средств? Не исключено — сомнения профессиональных экономистов редко разделяют разработчики политики и местное население, которое обычно с энтузиазмом относится к таким представлениям. В действительности страны яростно борются за право принимать мега-мероприятия. Возможно, экономисты что-то не понимают?

Безусловно, в это верит Международный олимпийский комитет (МОК). МОК считает, что туристов будут привлекать объекты и продукты городов-организаторов, после того как они познакомятся

с ними во время игр. Это сводится к той точке зрения, что проведение Олимпийских игр будет способствовать экспорту страны, в особенности туризму. Мы сомневаемся в верности этого аргумента; любой прирост экспорта благодаря Олимпийским играм представляется небольшим и временным. Поэтому мы начали наше исследование с проверки этой теории на основе эмпирических данных.

Мы используем стандартную «гравитационную» модель торговли, согласно которой объемы торговли между двумя странами являются функцией расстояния между ними и ряда других пояснительных переменных. Эта модель широко использовалась в научной литературе для объяснения значительной части межстрановых расхождений в торговле. Мы добавили в нее переменную, отражающую устойчивые «олимпийские» эффекты. Мы обнаружили убедительные сведения о крупном положительном воздействии (приблизительно на 30 процентов выше) Олимпийских игр на экспорт. Наш скептицизм, таким образом, казался неоправданным; постоянное воздействие «олимпийского торгового эффекта» на экспорт является крупным и положительным.

В числе других результатов, представленных в нашей работе 2009 года, мы показали, что возрастает вся торговля; импорт

Церемония открытия Олимпийских игр в Барселоне, 1992 год.

повышается в такой же степени, как и экспорт. Наши результаты были подвергнуты целой серии проверок на чувствительность. Олимпийский торговый эффект неизменно остается положительным и значительным. Мы затем проанализировали другие мега-мероприятия, такие как чемпионаты мира по футболу и всемирные ярмарки, и пришли к выводу, что они также оказывают крупное положительное влияние на торговлю.

Почему проведение мега-мероприятий ведет к увеличению торговли? Имеющиеся несистематизированные свидетельства показывают, что проведение мега-мероприятий на практике связано с либерализацией торговли. В июле 2001 года Пекин получил право организовать XXIX Олимпийские игры. Всего два месяца спустя Китай успешно завершил переговоры с Всемирной торговой организацией (ВТО), официально оформив, таким образом, свою приверженность либерализации торговли. Это не единичное совпадение. Рим в 1955 году утратил права принимать игры 1960 года, и в тот же

Мы имеем убедительные доказательства крупного положительного воздействия Олимпийских игр на экспорт.

год Италия начала переход к конвертируемости валюты, вступила в Организацию Объединенных Наций и, главное, начала переговоры, которые два года спустя привели к заключению Римского договора и созданию Европейского экономического сообщества (ЕЭС), предшественника современного Европейского союза. Токийские Олимпийские игры 1964 года совпали со вступлением Японии в Международный валютный фонд и Организацию экономического сотрудничества и развития. Барселона получила право на проведение Олимпийских игр 1992 года в 1986 году, год вступления Испании в ЕЭС; решение присудить Корею организацию игр 1988 года совпало с политической либерализацией Кореи. Эта корреляция выходит за рамки олимпийских игр; чемпионат мира по футболу 1986 года состоялся в Мексике и совпал с ее либерализацией торговли и присоединением к Генеральному соглашению о тарифах и торговле, предшественнику ВТО.

Таким образом, реальное объяснение олимпийского торгового эффекта, как представляется, заключается в том, что страны, которые снимают ограничения с торговли, одновременно проводят спортивные мега-мероприятия, такие как Олимпийские игры. Возможно, проведение мега-мероприятия побуждает к либерализации торговли благодаря той деятельности или инфраструктуре, которые связаны с организацией игр. Но не следует торопиться с выводами. Мы проверили *не увенчавшиеся* успехом заявки на проведение Олимпийских игр, применив ту же методологию, что и в случае успешных заявок, и обнаружили, что они также оказывают положительное влияние на торговлю, не меньшее, чем фактическое проведение игр.

С учетом того, что факт проведения игр не поддается эффекту измерения, помимо того, который имеет неуспешный претендент, мы делаем вывод о том, что сам факт, что страна становится серьезным претендентом, успешным или неуспешным, уже подает определенный сигнал. Поскольку за такими заявками обычно следуют шаги к либерализации, представляется логичным, что попытка стать организатором мега-мероприятия служит указанием на то, что страна стремится к либерализации торговли.

Для чего стране подавать столь дорогостоящий сигнал? Мы ввели модель, в которой за таким сигналом следуют необратимые дополнительные связанные с торговлей инвестиции, и, главное, создается политическая атмосфера, в которой

отступление от мега-мероприятия или либерализации торговли становится запретительно дорогостоящим. Крупная либерализация торговли, как и мега-мероприятие, — событие редкое и дорогостоящее, оно у всех на виду, и к нему долго готовятся. Однако долгосрочные выгоды от либерализации торговли могут более чем компенсировать краткосрочные затраты на проведение мега-мероприятия, поэтому увязка двух событий в сознании общества представляется мудрой стратегией. Кроме того, расходы на проведение мега-мероприятий обычно несут сектора экономики, которые получают наибольшую выгоду от либерализации торговли, такие как принимающий город и правительство страны. Такое согласование затрат и выгод превращает заявку на проведение мега-мероприятия в эффективное указание на либерализацию.

В нашей работе не был учтен ряд вопросов, связанных с мега-мероприятиями. Бразилия принимает Олимпийские игры 2016 года, но всего двумя годами ранее она также будет принимать почти столь же важный Чемпионат мира по футболу. Если страны используют заявку на проведение мега-мероприятия как сигнал по поводу того, что они открывают свою экономику для остального мира, то зачем им подавать дважды заявки на организацию таких мероприятий? Ванкувер принимал Олимпийские игры 2010 года, а Лондон будет принимать летние игры 2012 года. Зачем вообще странам с либеральной экономикой подавать заявки на проведение мега-мероприятия? Что могли выгадать Соединенные Штаты от своей не увенчавшейся успехом заявки на проведение в Чикаго восьмой Американской олимпиады? Очевидно, что-то еще заставляет страны с либеральной экономикой подавать многочисленные заявки, хотя в данном случае основополагающий аргумент легко может быть расширен и объясняет многочисленные заявки тем, что в условиях, когда репутация со временем понижается, ее необходимо укреплять повторными сигналами. Кроме того, могут использоваться и другие способы для обозначения внешней либерализации. Чем же так выделяется проведение спортивного мега-мероприятия? Очевидно, существуют дополнительные объяснения, и сохраняется поле для будущих исследований. Тем не менее, наш аргумент представляется интуитивно обоснованным, особенно в случае стран с формирующимся рынком, готовых утвердиться как международные игроки. Сочи (Россия) будет принимать зимние Олимпийские игры 2014 года; Чемпионат мира по футболу 2010 года состоится в Южной Африке. Для таких стран, и возможно Бразилии, проведение мега-мероприятия равносильно отчетливому заявлению о том, что страна становится ответственным членом международного сообщества. Связанные с этим выгоды, возможно, более чем компенсируют ошеломляющие затраты на организацию игр.

Либерализация всегда является трудным делом; многие страны так и не завершают этот процесс. Поэтому когда страна действительно серьезно намерена открыть свою экономику, представляется естественным, что она будет подавать столь дорогостоящий сигнал. Резюмируя вышесказанное, когда страна желает выйти на мировую арену, она может сообщить об этом как внутренней, так и внешней аудитории путем проведения мега-мероприятия. ■

Эндрю К. Роуз — профессор экономического анализа и политики Кафедры им. Б.Т. Рокка бизнес-школы Хаас, Университет штата Калифорния, Беркли; Марк М. Шпигель — вице-президент, ответственный за международные исследования, Федерального резервного банка Сан-Диего.

Литература:

Rose, Andrew K., and Mark M. Spiegel, 2009, "The Olympic Effect" CEPR Discussion Paper 7248 (London: Centre for Economic Policy Research). Also published as Federal Reserve Bank of San Francisco Working Paper 09-06 and National Bureau of Economic Research Working Paper 14,854.